

В.Б. Зусева-Озкан

ИЗОБРАЖЕНИЕ АМАЗОНОК В «ПОДВИГАХ ВЕЛИКОГО АЛЕКСАНДРА» М.А. КУЗМИНА

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10100) в ИМЛИ РАН.

Исследуется образ амазонок в романе М.А. Кузмина «Подвиги Великого Александра», их репрезентация сопоставляется с описаниями из основных литературных и исторических претекстов. Устанавливается, что, повторяя ряд «общих мест», Кузмин вводит новые элементы снижающего характера, выстраивая негативный вектор изменений образа. Показано, как этот вектор соотносится с мировоззрением Кузмина и предшествующим случаем изображения женщины-воительницы в его творчестве (в поэме «Всадник»).

Ключевые слова: амазонки; дева-воительница; Псевдо-Каллисфен; мистерия; фемининность; гендер.

Эта статья посвящена исследованию гендерно неоднозначного образа девы-воительницы в творчестве М.А. Кузмина. Фигура воительницы в разных ее вариантах (амазонка, валькирия, удалая поляница, царь-девица, Жанна д'Арк и др.) вообще довольно часто появляется в литературе русского модернизма, причем как у авторов-мужчин, так и женщин: назовем здесь хотя бы Д.С. Мережковского, В.Я. Брюсова, А.А. Блока, А. Белого, Н.С. Гумилева, Е.И. Замятина, с одной стороны, Н.Г. Львову, М.И. Цветаеву, С.Я. Парнок, М.Е. Лёвберг, Л. Столицу, А.А. Баркову с другой.

Согласно нашей гипотезе, востребованность этого образа связана с началом существенных преобразований гендерного порядка на рубеже веков [1. С. 29–38]: образ воительницы оказывается своего рода «пробным камнем» этих изменений, поскольку в нем начинается размываться, медленно и с трудностями отступать бинарное и комплементарное противопоставление полов, характерное для огромного периода гендерной истории. Однако, хотя фигура эта появляется часто и, как правило, играет важную роль в художественной системе ряда авторов и произведений, само ее освещение оказывается весьма сложным, многогранным. В основном она предстает как персонаж этически амбивалентный и гораздо реже оценивается с точки зрения эстетической, особенно в негативном духе. В этой статье нас будет интересовать именно такой, весьма редкий, случай.

Воительница появляется в творчестве Кузмина, насколько нам известно, дважды, причем эти два явления почти синхронны, – в поэме «Всадник» и в романе «Подвиги Великого Александра»; оба произведения созданы буквально друг за другом, в 1908 г. В связи с этим не удивительно, что образ девы-воина и его авторская оценка не претерпевают больших изменений, несмотря на смену «антуража» действия. О «Всаднике» мы уже подробно высказывались ранее [2], так что здесь ограничимся лишь некоторыми соображениями по ходу анализа романа.

«Подвиги Великого Александра» были впервые опубликованы в № 1–2 журнала «Весы» за 1909 г. Этот роман, потребовавший от Кузмина огромной подготовительной работы и обильного чтения художественных текстов и научной литературы («В РТ¹ –

множество подготовительных материалов... в списке книг, прочитанных в июле, – работы В.М. Истрина, А.Н. Веселовского и А.Я. Гаркави об Александре Македонском, а также “Moralia” Плутарха» [3. С. 603]), как принято считать, написан в традиции так называемых «александрий» [4, 5], т.е. средневековых романов об Александре Великом, изначально базировавшихся на эллинистической «Истории Александра Великого» Псевдо-Каллисфена. Но, по нашему мнению, Кузмин в первую очередь опирался именно на Псевдо-Каллисфена, а не на средневековые повествования, о чем свидетельствуют трактовки ряда событий, последовательность эпизодов и сама тональность повествования, которая, как это свойственно Кузмину, балансирует между полюсами мистериальности и тонкой иронии.

Как писал Е.А. Костюхин, «в античности складываются две традиции повествований об Александре Македонском: историческая и литературная. <...> В литературных произведениях об Александре Македонском использован в основном тот же материал, что и в исторических трудах о нем. Но история в данном случае служит лишь фоном <...> На первое же место выступают иные проблемы – философские и этические» [6. С. 6–7]. Так, в Псевдо-Каллисфеновом романе (автор, разумеется, условен) «Александр предстает не только царственным владыкой, но и борцом за идею, естествоиспытателем, одаренным полководцем» [6. С. 27]. М.Е. Грабарь-Пассек называет это произведение «философско-мистической повестью», ибо одна из его ведущих тем – состязание человека в силе и смелости с богами: «<...> и в рассказах о попытках Александра проникнуть в тайны моря и небес, дойти до края мира в “стране тьмы” и узнать будущее от говорящих деревьев скрыта одна общая мысль – о его стремлении выйти за пределы того, что достижимо для человека» [7. С. 181]. Мистериальные элементы – путь Александра к познанию тайн бытия, поиски им бессмертия, взаимоотношения с судьбой, богоподобие героя – составляют, несомненно, важнейшую сторону и кузминского повествования. Помня обо всем сказанном, обратимся непосредственно к эпизоду встречи Александра с амазонками, которая происходит в главе второй книги четвертой «Подвигов...».

Отметим, что, в основном придерживаясь в передаче этого эпизода версии Псевдо-Каллисфена, Кузмин делает и некоторые нововведения. Прежде всего, разница состоит в форме подачи: в роман Псевдо-Каллисфена включено множество писем и отрывков из них; в том числе и история встречи Александра с амазонками подана в виде писем. В письме Александра к Олимпиаде в третьей книге романа изображается сказочное племя воительниц, создавших собственное государство. Они характеризуются как красивые, рослые, сильные, отличающиеся сообразительностью и остроумием, т.е. описаны явно положительно. Об их образе жизни читатель узнает из их ответного письма к Александру: «Сильнейшие и правящие из амазонок Александру желают здравствовать. Мы написали тебе для сведения до нашего прихода на нашу землю, чтобы ты не возвратился бесславно. А письмом нашим сообщаем тебе сведения о нашей стране и о нас самих, ведущих суровую жизнь. Мы живем за Амазонкой рекой посредине. Окружность нашей земли простирается на год пути, а река не имеет начала. Вход к нам один. Мы, живущие здесь, – вооруженные девицы в числе 270 000; у нас нет ни одного существа мужского пола, а мужчины живут за рекой, владея тамошней землей. Мы ежегодно совершаем праздник конеубиения, принося жертвы Зевсу, Посейдону, Гефесту, Аресу в течение 30 дней. Те из нас, которые желают соединиться с ними, остаются у них на несколько дней; все рожденные дети женского пола вскармливается ими, но по достижении семи лет они переводят их к нам. Когда неприятели предпринимают поход на нашу землю, мы выступаем на конях, в количестве 120 000, а остальные охраняют остров. Мы приходим навстречу к границе, а за нами следуют мужчины, выстроившись в тылу. Если которая из нас на войне получит рану, то пользуется почетом вследствие нашей храбрости и, увенчанная, остается приснопамятною; если же которая падает на войне защищаясь, то близкая ей получает немалую сумму денег. Если кто привезет на остров тело врага, то за это дается в награду золото, серебро и пожизненное продовольствие. Таким образом, мы ратоборствуем за нашу славу. Если мы одолеем неприятелей или они обратятся в бегство, то им остаются на вечные времена стыд и позор; а если они победят нас, то окажутся победителями женщин. Итак, смотри, царь Александр, чтобы с тобою не случилось того же. Подумай и отпиши нам – и найдешь нашу рать на границах. Будь здоров» [8. С. 245–249]. Заканчивается эта история вполне мирно: и Александр изначально в своем письме сообщал амазонкам, что хочет не воевать с ними, а лишь посмотреть их страну, и амазонки в итоге не вступают с ним в военное противостояние и даже присоединяют свой полк к его войску.

У Кузмина эпизод с амазонками, как и весь текст романа, дан в аукториальном повествовании от 3-го лица. О своих обычаях амазонки рассказывают не в письме Александру, а лично, придя в его лагерь. Но второе отличие в передаче этого эпизода еще важнее, ибо связано не с последовательно проводимой на всем протяжении текста линией (так, Кузмин в принципе отказывается от писем), а является сугубо индивиду-

альным, «точечным»: если у Псевдо-Каллисфена амазонкам дается весьма положительная характеристика, то Кузмин, напротив, не жалеет красок для создания самого неприглядного образа: «...пришла сотня высоких мужеподобных женщин, с выжженными правыми грудями, короткими волосами, в мужской обуви и вооруженных пиками, стрелами и пращами. Говорили они грубыми, хриплыми голосами и пахли козлиным потом» [9. С. 200]. Хотя некоторые элементы соответствуют тексту-источнику («высокие») и другим повествованиям об амазонках («с выжженными правыми грудями»), Кузмин добавляет отсутствующие в них детали, призванные вызвать отвращение читателя и показать этих женщин как «ухудшенный», «сниженный» вариант мужчины: «мужеподобие», короткие волосы, «грубые, хриплые голоса» и, конечно, запах «козлиного пота». Даже если предположить, что именно этот эпизод Кузмин излагает не по Псевдо-Каллисфену, нам неизвестны такие трактовки истории Александра, в которых амазонки были бы представлены подобным образом.

Напротив, в других вариантах истории Александра встречается более «романтизированный» эпизод его встречи с амазонками. Так, историки Квинт Курций Руф и Диодор Сицилийский приводят эпизод, когда царица амазонок Фалестрис является к Александру с целью зачать от него ребенка. Курций: «...с Гирканией граничило племя амазонок, населяющих поля Темискиры вдоль реки Термодонта. У них была царица Талестрис <...> Желая видеть царя, она выступила за пределы своего царства и <...> послала Александру известие, что прибыла царица, страстно желающая видеть его <...> она приблизилась в сопровождении 300 женщин; увидев царя, она соскочила с коня, держа в правой руке 2 пики. Одежда амазонок не полностью покрывает тело; левая половина груди обнажена; все остальное закрыто, но одежда, подол которой они связывают узлом, не опускается ниже колен. Они оставляют только одну грудь, которой кормят детей женского пола, правую же грудь они выжигают, чтобы было удобнее натягивать лук и бросать копье. Без всякого страха Талестрис смотрела на царя <...> она, не колеблясь, призналась, что хочет иметь от него детей, ибо она достойна того, чтобы наследники царя были ее детьми: ребенка женского пола она оставит у себя, мужского – отдаст отцу. <...> Страсть женщины, более желавшей любви, чем царь, заставила его задержаться <...> В угоду ей было затрачено 13 дней. Затем она отправилась в свое царство...» (VI, 5: 24–32) [10. С. 122–124]. Примерно такой же рассказ встречаем в «Исторической библиотеке» Диодора – только здесь Александр наделен большим энтузиазмом: «Когда он вернулся в Гирканию, к нему явилась царица амазонок, по имени Фалестрида <...>. Она отличалась красотой и физической силой и славилась среди своего племени мужеством. Оставив войско у границ Гиркании, она прибыла с 300 амазонками в воинском вооружении. Царь, изумленный необычайным явлением и достойным видом женщины, спросил Фалестриду, что ей надобно. Она ответила, что желает иметь ребенка: он превзошел всех мужчин своими подвигами, она же выделяется среди женщин силой и мужеством;

дита, рожденное от родителей, которые превосходят прочих людей, конечно, будет первым в мире по доблести. Александр пришел в восторг, принял царицу и, проведя с ней 30 дней, отпустил домой с богатыми дарами» (XVII, 77: 1–3) [11. С. 320–321].

В рассказе Квинта Курция Руфа и Диодора (особенно у последнего) амазонки описаны не только как воинственные, но и весьма привлекательные женщины, и встреча Александра с их царицей имеет эротический характер. В то же время нельзя не отметить, что это репродуктивная и отчасти даже евгеническая любовь, имеющая целью рождение ребенка и основанная на представлении о равносильности избранного героя и героини (мотив, типичный для сюжетов с участием воительницы), у которых должен родиться особый ребенок, «первый в мире по доблести».

В дальнейшем это предание о Фалестрис и Александре все более романтизировалось. Так, у Рудольфа Эмского, которого повествователь у Кузмина называет одним из своих предшественников [9. С. 169], царица амазонок Талистрия становится прекрасной дамой Александра. Он рыцарски ей служит; «военное государство амазонок в этой поэме превратилось в любовный двор, сад любви» [6. С. 39].

С большой вероятностью галломан Кузмин был также знаком с обработкой этой истории французским поэтом С.Ш. Леконтом в цикле «Свадьба амазонки» («Les noces de l'Amazone», перв. публ. 1901 [12]). В июне 1906 г. в литературном приложении к газете «Слово» была опубликована рецензия А. Блока на книгу стихов Леконта «Кровь Медузы», вышедшую первым изданием в 1905 г. и вторым в 1906 г. и содержащую, в частности, этот цикл. Блок уделяет ему специальное внимание: «Целиком нам понравились больше других “Les noces de l'Amazone” (особенно первое из трех стихотворений: “Le défi”)...» [13. С. 197], – что является дополнительным аргументом в пользу знакомства с ним Кузмина. Леконт трансформирует сюжет, взятый из «Исторической библиотеки» Диодора (к которому отсылает эпиграф), воспроизводя традиционнейшую – сводящуюся к брачному состязанию² – схему сюжета с участием воительницы. В первом стихотворении героиня бросает вызов Александру, грозя ему, что «орлы Тавра понесут в тишине» его «героические останки к отеческому трону» («Les aigles du Tauros porteront en silence / Ta dépouille héroïque au trône paternel» [15. P. 65]). Второе стихотворение, целиком представляющее собой описание кровавого поединка, завершается появлением «колеблющейся» богини Победы, не знающей, кому отдать первенство – «бронзовой амазонке» или «золотому завоевателю». Третье открывается неожиданным жестом героини, убедившейся в непревзойденном героизме противника и, как минимум, его равносильности ей самой: она бросает оружие и доспехи и сдается на милость Александру, более того – называет себя его рабыней, счастливой «жить и служить» («vivre et servir») в его шатре, как Бризеида в шатре Ахилла; при этом она обещает ему совместный поход на «пылающий Восток», где, захватив «дворцы Авроры», «амазонка, послушная хозяину, которого обожает», приручит для его колесни-

цы «коней Солнца» («Là-bas, lorsque vainqueurs de l'orient vermeil, / Nous entrerons, armés, aux palais de l'Aurore, / L'Amazone, docile au maître qu'elle adore, / Domptera pour ton char les chevaux du Soleil» [15. P. 69]). Речь, таким образом, идет о своего рода «небесном браке», который и совершается в четвертом стихотворении цикла, где Александр милостиво принимает мольбу воительницы [16].

Как видим, все это чрезвычайно далеко от версии Кузмина в «Подвигах Великого Александра». В целом, описывая встречу с амазонками и ее результат по Псевдо-Каллисфену³ (т.е. сводя ее к желанию царя познакомиться с обычаями амазонок и получить от них воинский отряд, что и происходит), он далеко отходит от своего источника в их характеристике, выводя амазонок крайне непривлекательными. Более того, даже во фрагмент, описывающий занятия и образ жизни амазонок от их же лица, Кузмин вставляет некоторые элементы, отсутствующие в названных источниках: «Живем мы, царь, по ту сторону реки, одни девы, управляемы старшей девицей; пасем стада, обрабатываем волну и сражаемся одни без мужчин; никому не подвластны; каждый год ходим за реку на праздник Дия Гефеста и Посейдона; которая из нас хочет сделаться матерью, остается здесь с избранным ею мужем, пока не родит; потом возвращается домой; мужа она вольна не помнить или через год снова вернуться к тому же. Рожденного мальчика возвращает отцу, девочку же, по истечении семи лет, переправляют на женскую сторону реки. На битву отправляются две трети всех дев; остальные же карают страну. Если пленный от нас бежит, позор ложится на всех амазонок. Царица тебя целует и шлет нас помогать тебе в брани» [9. С. 201].

Кузмин всячески снижает героический, воинственный аспект образа амазонок – в частности, описывая их пастушеские занятия («пасем стада, обрабатываем волну», т.е. овечью шерсть), не упомянутые в других источниках, где их быт представлен как быт военного лагеря. Если у других авторов рядом с амазонками упоминаются кони как важнейшие для них животные (у того же Псевдо-Каллисфена сказано, что на войну женщины «выступают на конях»), то у Кузмина их замещают связанные не с военным, а с мирным и бедным, далеким от роскошества бытом овцы и козы (амазонки, напомним, пахнут у него «козлиным потом»). Если у Псевдо-Каллисфена большая часть рассказа амазонок посвящена описанию их военных обычаев, причем речь идет о «ратоборстве за <...> славу», то у Кузмина, напротив, этот аспект их жизни описан минимально, зато большую часть рассказа амазонок занимают их репродуктивные обычаи. Наконец, амазонки у Псевдо-Каллисфена ведут за собой в бою мужчин («Мы приходим навстречу к границе, а за нами следуют мужчины, выстроившись в тылу»), т.е. иерархически стоят выше них, а не являются мужененавистницами, в принципе исключившими мужчин из своего общества (социальный порядок в государстве амазонок предстает инвертированным по отношению к патриархатной культуре, а не «урезанным»), что Кузминым отмечается⁴.

Кроме того, стоит обратить внимание на то, какое место занимает параграф, посвященный встрече Александра с амазонками, в составе целого. Как и у Псевдо-Каллисфена, он следует за эпизодом с царицей Кандакией, но, в отличие от текста-источника, после него идет эпизод с Горгоной, у Псевдо-Каллисфена вообще отсутствующий, однако имеющий место в Александрии русских хронографов, с содержанием которой Кузмин был знаком, как следует из его рабочей тетради. Примечательно, что интересующий нас эпизод оказывается между двумя историями женских домогательств к герою. Эпизод с Кандакией изменен Кузминым таким образом, что Кандакия пытается соблазнить Александра, чего у Псевдо-Каллисфена не было: «...женщина обвила его шею руками и целовала в уста, шепча нежные слова страсти, и расплела длинные черные косы, сняла свою узкую белую одежду, и, нагая, теснила царя до того, что тот воскликнул, хватаясь за меч: “Оставь, безрассудная, Александра ли думаешь ты погубить?!” Откинувшись назад смуглым станом, царица сквозь смех сказала: “Александр, Александр! против жены меч обнажил!”» [9. С. 200]. А в следующем за встречей с амазонками эпизоде Александра «зовет на похоть» дева Горгона.

Как уже говорилось выше, такого эпизода нет у Псевдо-Каллисфена, но есть в русской Александрии; как пишет Е.А. Костюхин, «из древнего сказания о Тесее (sic! – В. З.-О.)⁵ через новогреческие сказки перекочевала в Александрию Горгона-Медуза, от взгляда которой в жилах застыла кровь. <...> Горгония стала мужелюбивой: она пыталась обольстить и Александра, но посланный к ней волхв обманул кудесницу и отрубил ей голову» [6. С. 46]. Кузмин явно заимствует эту сцену отсюда⁶ – с той разницей, что Горгону побеждает у него не посланный царем волхв, а сам Александр: «...всех звала на похоть: гадов, зверей и людей – и всех умерщвляла одним своим видом. В полночь Александр был разбужен зычным, но полным неги и страсти воплем <...> будто все прошлые и грядущие любовницы слили в один этот голос обещания неведомых ласк и сладкие угрозы; как вой тигрицы, ищущей далекого самца, разносился клич по темным пространствам: “Александр, Александр, тебя одного жажду я, приди, уголи меня! Царь бесстрашный!..” Александр послал волхва с покрывалом навстречу неистой деве. Услышав ту близкою, он произнес, приближаясь пятками вперед: “Я – Александр! Закрой твой лик покрывалом, чтобы мне не погибнуть”. И когда, молча, тяжело дыша, дева схватила его руками за плечи, он, быстро повернувшись, отрубил ей голову...» [9. С. 201–202].

Таким образом, Кузмин, не пересказывая эпизод с Фалестрис по Курцию и Диодору, самым размещением истории амазонак между эпизодами женских домогательств к Александру, т.е. посредством контекстуализации, имплицитно воссоздает ее эротический подтекст. Но, напомним, амазонки изображены у него крайне непривлекательно, да и две другие истории соблазнения характеризуются неудачей женщин (или, точнее, существ женского пола, ибо Горгона не вполне антропоморфна) и их эротической инициати-

вы и крайним отвращением, проявленным Александром. Это отвращение так велико, что в первом случае царь даже прибегает к угрозе оружием, а во втором – непосредственно к убийству. Добавим, что в романе присутствует и третья типологически родственная история – с супругой Александра Роксаной, которая, вопреки всем текстам-источникам, «пробыла девой к большой своей досаде».

Прощаясь с уходящим в очередной поход Александром, «королева походила по комнате и вновь обратилась к супругу: “Что слава? не дым ли? Вам нужно бы иметь сына, как достойного наследника”. И она опустила на пол у ног героя. Александр <...> вымолвил: “Госпожа, вышей мне победную мантию, приноси жертвы богам, нам же оставь решать наши мужские дела”. Король вышел быстрым шагом из покоев королевы <...> Роксана <...> села за шитье, роняя злые, скупые слезы» [9. С. 189]. Роксана, подобно амазонкам, изображена как женщина, стремящаяся прежде всего к репродуктивной любви или, по крайней мере, скрывающая за ней свою похоть⁷, и, подобно всем женщинам романа, за исключением, быть может, только матери Александра, как существо крайне непривлекательное (см., например, такую характеристику, как «широкое, ярко нарумяненное лицо») и злобное, способное лишь губить истинно высокое; так, отравление Александра у Кузмина отчасти приписано ей.

Как и другие женщины романа, она еще и существо довольно примитивное, близкое к природе. Так, амазонки пахнут козлом, а Горгона и сама является частью природы. Что же касается Кандакии, то не случайно в описании чудес ее страны большое внимание уделено ехиднам, чье половое поведение как бы оказывается символической параллелью к поведению царицы – активному, а не нормативно пассивному; женская сексуальность здесь представлена как убийственная для мужчин: «Устроив торжественный пир, Кандакия повела гостей осматривать город, золотые яблоки <...> великанов и злое племя ехидн. Самка ехидны обладает скважиною не шире игольного уха, так что, только съедая мужнино лоно, может зачать» [9. С. 199]. Все это совершенно согласуется с описанным в научной литературе гендерным порядком модернизма, в рамках которого фемининность отождествляется с природой, причем природой опасной, угрожающей и сексуализированной; как пишет, например, К. Эконен, «оппозиция культуры и природы воплощается в оппозиции маскулинного и фемининного, причем фемининная природа и телесность связываются с немотой, а маскулинная рациональность и абстрактность обозначают активность» [1. С. 43]⁸.

Получается, что женщины и «женскость», или фемининность, представлены в романе с эссенциалистских (поскольку женщины и категория фемининности уравниваются: амазонки по крупному счету мало чем отличаются у Кузмина от других женщин) и, говоря прямо, мизогинных позиций. Это, однако, не означает, что Александр у Кузмина не знает любовного чувства: следуя отчасти за источниками (прежде всего, за историческими), но очень сильно заостряя их, Кузмин

делает своего героя адептом мужской любви. Более того, он наделяет его исключительным и совершенным чувством к его «другу» Гефестиону: так, в Области мрака, куда зашел в своих чудесных путешествиях Александр, «гонимые дико посмотрели на короля и, протянув руки вперед, разом возопили: “Знал ли, царь Александр, ты любовь?” Король перевел глаза свои на Гефестиона и медленно повторил: “Знал ли я любовь?”» [9. С. 190].

Кузмин не придумывает этого персонажа – см., например, у Курция: «Это был самый любимый из друзей царя...» (III, 12: 16) [10. С. 43]; у Диодора: «Александр любил Гефестиона <...> Когда кто-то из друзей сказал, что Кратер любит царя ничуть не меньше, чем Гефестион, Александр воскликнул: “Кратер любит царя, а Гефестион Александра”. Когда мать Дария при первой встрече с Александром, по незнанию поклонившаяся в землю Гефестиону, как царю, смутилась от своей ошибки, Александр сказал ей: “Не беспокойся, мать! Он ведь тоже Александр”» [11. С. 344] и пр. Таким образом, у Кузмина были основания сделать этого персонажа другом и возлюбленным Александра. Но чего в исторических источниках нет, несмотря на сведения о предпочтении, оказывавшемся Александром Гефестиону, так это возвышенной и совершенной любви, соединяющей этих героев у Кузмина. Нет в источниках и женоненавистничества, которым отличается у него Александр; хотя у Юстина, например, царь в принципе представлен человеком высоко целомудренным, он способен любить женщину. Между тем у Кузмина женщины и их домогательства предстают как то, что нужно преодолеть и отбросить, чтобы остаться верным совершенной любви.

Примечательно, что сюжетная схема «Подвигов Великого Александра» в большой степени повторяет «Всадника» [2]: сюжет поэмы – это мистериальный сюжет, где принципиально важно сохранение героем чистоты для достижения сакрального центра – не случайно Всадник, явившись к Амуру, воплощению Любви, говорит: «я путь прошел, не запятнавши ризы» [22. С. 211], а еще раньше, в разговоре со жрицей, восклицает: «И голос дев, прелестный, но случайный, / Не в силах совратить с тропы необычайной» [22. С. 209]. Но то же самое можно сказать и об Александре: для него Любовь оказывается тождественна Гефестиону, а женские домогательства, в том числе собственной жены, он упорно отвергает. Даже и женские типажи романа очень близки тем, что более абстрактно представлены во «Всаднике»: амазонки соответствуют Браманте, Роксана – идиллической героине, Кандакия и отчасти Горгона – таинственной жрице «ночной Матери». Более того, как мы говорили в начале этой статьи, сюжет «Подвигов Великого Александра» – это, по сути, сюжет «философско-мистический», каковым он был уже и у Псевдо-Каллисфена.

В связи с поэмой «Всадник», где герой обретает Амура («райскую розу») в подземелье замка и спасает его, напрашивается к сопоставлению гностический миф о пещере с жемчужиной. Как писал С.С. Аверинцев о гностическом гимне «Песнь о Жем-

чужине» из апокрифических «Деяний апостола Фомы», «царевич, герой песни, т.е. один из “сынов света”, ради искупительной миссии сходящий во мрак, должен спуститься с гор <...> “Востока”, миновать “рубежи Майшана” и “земли Вавилона” <...> и вступить во мрак “Египта”, т.е. дольного мира, дабы возволить из власти Змия таинственную Жемчужину: частицу света, заточенную во мраке» [23. С. 420]⁹. Очень важны и другие совпадения: гимн «напоминает человеку: ты – царский сын на чужбине, не забывайся, не поддавайся ни робости, ни унынию, ни пустому довольству. Поэма дает таинственный образ зеркала, в котором человеку является высший лик его же души, – и сама хочет быть таким зеркалом». Но ведь все это можно отнести и к Александру, который путешествует во все упомянутые земли¹⁰. Как Всадник видит Амура в подземелье, после чего обретает райское блаженство, так и Александр говорит о своей любви к Гефестиону не где-нибудь, а в Области мрака, причем за ней следует «обитель блаженных», куда царь прибывает один. Встречающий его в этой обители отрок поразительно напоминает Амура из «Всадника»: «...из густой чащи вышел нагой отрок с высоким копьем, на конце которого желтел чудесный топаз. Нежным голосом, как горлица, он сказал: “Царь Александр, это – обитель блаженных; сюда никто не может ступить живым, ни даже ты, дошедший до этого места, куда не заходила человеческая нога. Будь радостен, ты скоро сюда придешь...”» [9. С. 191]. Из этого следует, что, пройдя все испытания, Александр завершит свой путь фактически в раю (который в романе однажды прямо упоминается) или, по крайней мере, среди блаженных. Упорство в достижении цели (ср. гимн о жемчужине) отличает Александра в высшей степени – например, в главке «Ропот солдат» в ответ на бунт войска «король долго молчал, подняв глаза к розовеющим тяжелым облакам; наконец звонко и далеко разнесся его голос: “Оставайтесь или возвращайтесь домой, – дело ваше. Я пойду и без вас, хотя бы один”» [9. С. 191]. Таким образом, Александр у Кузмина предстает не только как великий завоеватель и мудрец, как сын Солнца, в соответствии с историческими и литературными источниками, но и как мистериальный герой, ищущий собственной души, которая обретается в совершенной любви.

В этой гомозротической мистерии женщинам, разумеется, места нет. Тогда же, когда Кузмин стилизует мистирию с непосредственным участием женщины, как в «Комедии о Евдокии из Гелиополя, или Обращенной куртизанке» (1907), женский персонаж вписывается в традиционнейшую для фемининного гендерного дисплея схему «от блудницы к святой» (стадия «блудницы», очевидно, по Кузмину, почти неизбежна для женщины или, по крайней мере, «блудница» скрыта в любой женщине до поры до времени). Амазонки же, опрокидывающие гендерные стереотипы, оказываются чуть ли не самым презираемым Кузминым женским типом – как подделка под драгоценнейшее.

Итак, воспроизводя ряд касающихся амазонок «общих мест» исторических и литературных источников (описание образа жизни, некоторые сюжетные

моменты, традиционные топосы, включая мотив репродуктивной любви), Кузмин с помощью целого ряда приемов – от художественной детали до «указания на место» (весьма скромное) в системе персонажей – исподволь вносит изменения в устоявшийся образ воительницы, явственно снижая его. Важно, что в «Подвигах Великого Александра» этот негативный вектор изменений выстраивается не только в этической плоскости, как это было во «Всаднике», но и в плоскости эстетической. В поэме Кузмин, стилизуя Ариосто, был в большой степени ограничен в своей характеристике воительницы Браманты ариостовой системой координат, так что внешность героини вполне отвечает канонам рыцарской поэмы: она хороша собой и не мужеподобна; единственное, что сближает ее внешность с мужской, – это рыцарские латы. «Подвиги Великого Александра» стали более «воинственной» декларацией мизогинии¹¹: женщины здесь не только не могут быть объектом совершенной любви, ибо они ее недостойны и их чувства так или иначе ограничены, – они просто предстают в крайне непривлекательном виде. И если во «Всаднике» три воплощения отвергаемой героем женской любви не равноправны друг другу, но выстроены иерархиче-

ски – от низшего к высшему, причем отношения, которые предлагает герою Браманта, оказываются самым «худшим» типом любви («любовью-ненавистью»), то в романе такая иерархизация, по нашему мнению, отсутствует, и амазонки предстают лишь как один из женских типов, а отношения с ними – как один из вариантов явственно «несовершенной» любви. Тем самым Кузмин как бы «снимает» специфику образа амазонки и, шире, воительницы вообще. Если у других авторов русского модернизма воительница противопоставлена другим, «нормальным», «обычным» женщинам (особенно явно это у М. Цветаевой), то Кузмин отказывает ей в какой-либо исключительности.

Примерно через год Кузмин напишет статью «О прекрасной ясности» (1909, публ. 1910), где будет настаивать на обязанности прозы быть «ясной» и «логичной». Представляется, что в «Подвигах Великого Александра» он достиг цели «дать миру свою стройность» [26. С. 5]: автор здесь предельно «логичен в замысле, в постройке произведения» [26. С. 6], так что его предпочтения и идиосинкразии тоже выразились настолько отчетливо, насколько это возможно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РТ – рабочая тетрадь Кузмина (РО ИРЛИ. Ф. 172. № 32).

² Как писал В.М. Жирмунский, «среди наиболее архаических и универсально распространенных отметим <...> воинские состязания <...> между женихом и невестой, богатырской девой (германские сказания о Брюнхильде и Зигфриде, среднеазиатские – об Алпамыше и др.). <...> Победенная героем воинственная красавица обычно становится возлюбленной или женой своего победителя и после этого теряет свою богатырскую силу» [14. С. 28–29].

³ За исключением ситуации обмена письмами, что отмечалось выше, и, следовательно, вынося за скобки хитрость амазонок: напав на них, Александр в любом случае оказался бы в дураках (победив всего лишь женщин или, тем более, будучи побежден ими).

⁴ Мужененавистничество приписывается амазонкам и в рассказе Кузмина «Ванина родинка», где пренебрежение мужчинами современной дамой названо «амазонским»: «Лишенные чрезмерного фанатизма матери, и дочери смутно разделяли эти амазонские взгляды, и в доме Комаровых и прославлялось, и воспевалось, и утверждалось лишь вечно-женское, как перл единственный создания. Мужчины могли только получать жалование <...> но вы бы несказанно удивили и оскорбили этих милых дам, спросив, например: “красив ли соседний реалист?” Это было бы неслыханно. Такой вопрос, когда есть сонм подруг и, наконец, три розы!?” [17. С. 187–188]. Очевиден здесь и эстетический угол зрения, восходящий к Платону и, в частности, к диалогам «Пир» и «Федр», где мужская любовь и красота выступают первой ступенью к познанию красоты как таковой.

⁵ На самом деле речь, конечно, должна идти о Персее.

⁶ Подробно о Горгонии см.: [18. С. 230–233].

⁷ Ср. также историю об испытании Александром воды, где и «два часа не продержалась крепость единственной чистой девушки» [9. С. 197], которая, оставшись на минуту без надзора, отдалась первому попавшемуся солдату.

⁸ См. также о связи женщины с природой, телесностью и сексуальностью в истории культуры: [19–21].

⁹ «Деяния» активно публиковались и изучались в конце XIX – начале XX в., а Кузмин с самого раннего периода своего творчества интересовался гностическими сочинениями [24. С. 47]. Кроме того, Кузмин читал по-гречески, так что его знакомство с «Деяниями» более чем вероятно.

¹⁰ Ср., в частности: «Пройдя Мидию и Армению, безводными пустынями достигнул король Евфрата, источники которого скрыты в чудесном Раю» [9. С. 185]; «Я покорил Европу и Азию, древний Египет и чудесную Индию, – юг, восток, запад и север; я смирил великих царей; я прошел всю землю от края до края; я был в царстве мрака и видел обитель блаженных. Теперь покорю я стихии, легкий воздух и текучую влагу, я – Александр, сын ливийского бога» [9. С. 195–196].

¹¹ Ср. суждение Л.Г. Пановой о романе Кузмина «Крылья» 1906 г.: «Воинственной эстетики (“Крыльев” – В. З.-О.) делало не только настояние на том, что геи – самый ценный плод на древе человечества, но и сопутствующее ему женоненавистничество» [25. С. 26].

ЛИТЕРАТУРА

1. Эконен К. Творец, субъект, женщина: Стратегии женского письма в русском символизме. М., 2011.
2. Зусева-Озкан В.Б. Дева-воительница в литературе русского модернизма. Брадаманта у Л. Ариосто и Браманта у М. Кузмина // Русская литература. 2016. № 1. С. 124–133.
3. Кузмин М. Дневник 1908–1915 / предисл., подг. текста и ком. Н.А. Богомолова, С.В. Шумихина. СПб., 2005.
4. Панова Л.Г. Игры с Брюсовым: Александр Великий в творчестве Кузмина // Новое литературное обозрение. 2006. № 2. С. 222–240.
5. Антипина И.В. Концепция человека в ранней прозе Михаила Кузмина : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003.
6. Костюхин Е.А. Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М., 1972.
7. Грабарь-Пассек М.Е. Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе. М., 1966.
8. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Ч. 1: Греческие писатели (продолжение) // Вестник древней истории. 1947. № 3(21). С. 235–315.
9. Кузмин М.А. Стихи и проза. М., 1989.

10. Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. С приложением сочинений Диодора, Юстина, Плутарха об Александре. М., 1993.
11. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Кн. XVII // Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. С приложением сочинений Диодора, Юстина, Плутарха об Александре. М., 1993. С. 276–347.
12. Leconte S.-Ch. Les Noces de l'Amazone // Mercure de France. 1901. № 137. P. 374–379.
13. Блок А.А. Sébastien Charles Leconte. Le Sang de Méduse. Paris, 1906. Mercure de France, deuxième édition // Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М., 2003. Т. 7. С. 195–197.
14. Жирмунский В.М. Народный героический эпос. М.; Л., 1962.
15. Leconte S.-Ch. Le Sang de Méduse. Paris, 1905.
16. Зусева-Озкан В.Б. К вопросу о круге чтения А.А. Блока: «Les Noces de l'Amazone» С.Ш. Леконта // Динамическая поэтика / Поэтическая динамика : сб. ст. к юбилею Дины Махмудовны Магомедовой. М., 2019. С. 213–220.
17. Кузмин М.А. Ванина родинка // Кузмин М.А. Проза : в 9 т. Berkeley, 1984. Т. 3. С. 181–208.
18. Истрин В.М. Александрия русских хронографов: Исследование и текст. М., 1893.
19. Sixous H., Clément C. The Newly Born Woman. Minneapolis, 1986.
20. Battersby Ch. Gender and Genius: Towards a Feminist Aesthetics. London, 1989.
21. Felski R. The Gender of Modernity. Cambridge; Massachusetts; London, 1995.
22. Кузмин М.А. Стихотворения. СПб., 1996.
23. Аверинцев С.С. От берегов Евфрата до берегов Босфора. Литературное творчество сирийцев, коптов и ромеев в I тысячелетии от Р. Х. // Аверинцев С.С. Собрание сочинений. Переводы: Многоценная жемчужина. Киев, 2006. С. 397–446.
24. Богомолов Н.А., Малстад Дж. Михаил Кузмин. М., 2013.
25. Панова Л.Г. М.А. Кузмин // Русская литература XX века: 1930-е – сер. 1950-х гг. / под ред. М. Липовецкого (Лейдермана) et al : в 2 т. М., 2014. Т. 2. С. 23–47.
26. Кузмин М. О прекрасной ясности (Заметки о прозе) // Аполлон. 1910. № 4. С. 5–10.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 2 октября 2020 г.

The Representation of the Amazons in *The Exploits of Alexander the Great* by Mikhail Kuzmin

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 29–36.

DOI: 10.17223/15617793/460/3

Veronika B. Zuseva-Özkan, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: v.zuseva.ozkan@gmail.com

Keywords: Amazons; woman warrior; Pseudo-Callisthenes; mystery; femininity; gender.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-78-10100.

The article considers the construction of the image of the Amazons by Mikhail Kuzmin in his romance *The Exploits of Alexander the Great*. The analysis of the romance in this aspect is performed in comparison with Kuzmin's long poem "The Horseman", which was written almost at the same time (both works were created in 1908) and in which another woman warrior appears. The aim of the study is to reveal the characteristics of the figures of female warriors in Kuzmin's work and to determine their place in the artistic whole. The analysis is conducted at the boundary of historical and literary methodology, comparative and gender studies. The study has found that the relationship of *The Exploits of Alexander the Great* with its prototexts (literary, in particular with the Hellenistic *Alexander Romance* by Pseudo-Callisthenes, and historical, for example, the histories of Alexander's deeds by Quintus Curtius Rufus and Diodorus Siculus) is such that Kuzmin mainly follows their event chains but makes new semantic accents. This shift in emphasis is due to the fact that the plot of the romance, same as of the poem "The Horseman", becomes that of the mystery where the hero embarks on a journey towards the secrets of being, towards immortality and perfect love. Kuzmin creates the homoerotic mystery where there is no place for women, including the Amazons who do not follow any gender stereotypes and defy all "normative" representations of femininity. Moreover, the type of "masculine woman" is despised by Kuzmin, who is generally known for his misogyny, twice as much as the type of a "normative woman" since he deems it the poor imitation of a man. Hence is the fact that Kuzmin in many ways brings down the heroic, belligerent aspect of the Amazons' image, in particular, while describing their pastoral lifestyle (not mentioned in the sources where their life is represented as that of a military camp) and focusing instead on their reproductive customs. Though Kuzmin reproduces a number of traditional topoi concerning the Amazons, he also introduces new elements and, in so doing, modifies the archetypal figure of the female warrior. He totally rejects the usual "romanticizing" of the Amazons. It is also very characteristic that this negative vector of change is built not only in the ethical (as is the case of "The Horseman") but also in the aesthetic field. While in "The Horseman" three incarnations of the woman's love, rejected by the hero, are ranked from lowest to highest, and the relationship with the woman warrior is deemed the worst type of love (since it is "love-hate"), this hierarchy does not seem to exist in the romance: the Amazons appear simply as one of female types and the relationship with them as a variant of the decidedly "imperfect" love. Thereby, Kuzmin relieves the specificities of the image of the Amazon and the female warrior in general. While in the works of other Russian Modernist writers the woman warrior is opposed to the other, "normal", women, Kuzmin denies her any exceptionalism.

REFERENCES

1. Ekonen, K. (2011) *Tvoret, sub'ekt, zhenshchina: Strategii zhenskogo pis'ma v russkom simvolizme* [Creator, Subject, Woman: Strategies of Women's Writing in Russian Symbolism]. Moscow: NLO.
2. Zuseva-Ozkan, V.B. (2016) Deva-voitel'nitsa v literature russkogo modernizma. Bradamanta u L. Ariosto i Bramanta u M. Kuzmina [The warrior virgin in the literature of Russian modernism. Bradamante by L. Ariosto and Brahman by M. Kuzmin]. *Russkaya literatura*. 1. pp. 124–133.
3. Kuzmin, M. (2005) *Dnevnik 1908–1915* [Diary of 1908–1915]. St. Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakha.
4. Panova, L.G. (2006) Iгры s Bryusovym: Aleksandr Velikiy v tvorchestve Kuzmina [Games with Bryusov: Alexander the Great in Kuzmin's works]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 2. pp. 222–240.
5. Antipina, I.V. (2003) *Kontseptsiya cheloveka v ranney proze Mikhaila Kuzmina* [The concept of person in early prose by Mikhail Kuzmin]. Philology Cand. Diss. Voronezh.
6. Kostyukhin, E.A. (1972) *Aleksandr Makedonskiy v literaturnoy i fol'klornoy traditsii* [Alexander the Great in the literary and folklore tradition]. Moscow: Nauka.

7. Grabar'-Passek, M.E. (1966) *Antichnyye syuzhety i formy v zapadnoevropeyskoy literature* [Ancient plots and forms in Western European literature]. Moscow: Nauka.
8. Latyshev, V.V. (1947) Izvestiya drevnikh pisateley o Skifii i Kavkaze. Ch. 1: Grecheskie pisateli (prodolzhenie) [Ancient writers' news about Scythia and the Caucasus. Part 1: Greek writers (continued)]. *Vestnik drevney istorii*. 3(21). pp. 235–315.
9. Kuzmin, M.A. (1989) *Stikhi i proza* [Poems and prose]. Moscow: Sovremennik.
10. Quintus Curtius Rufus. (1993) *Istoriya Aleksandra Makedonskogo. S prilozheniem sochineniy Diodora, Yustina, Plutarkha ob Aleksandre* [The History of Alexander. With works by Diodorus, Justin, Plutarch about Alexander]. Moscow: Moscow State University.
11. Diodorus Siculus. (1993) Istoricheskaya biblioteka. Kn. XVII [Library of History. Book XVII]. In: Quintus Curtius Rufus. *Istoriya Aleksandra Makedonskogo. S prilozheniem sochineniy Diodora, Yustina, Plutarkha ob Aleksandre* [The History of Alexander. With works by Diodorus, Justin, Plutarch about Alexander]. Moscow: Moscow State University. 276–347.
12. Leconte, S.-Ch. (1901) Les Noces de l'Amazone. *Mercure de France*. 137. pp. 374–379.
13. Blok, A.A. (2003) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Vol. 7. Moscow: Nauka. pp. 195–197.
14. Zhirmunskiy, V.M. (1962) *Narodnyy geroicheskiy epos* [Folk heroic epic]. Moscow; Leningrad: Goslitizdat.
15. Leconte, S.-Ch. (1905) *Le Sang de Méduse*. Paris: [s.n.].
16. Zuseva-Ozkan, V.B. (2019) K voprosu o krughe chteniya A.A. Bloka: "Les Noces de l'Amazone" S.Sh. Lekonta [On the question of A.A. Blok's circle of reading: "Les Noces de l'Amazone" by S.Ch. Leconte]. In: *Dinamicheskaya poetika / Poeticheskaya dinamika* [Dynamic poetics/Poetic dynamics]. Moscow: IWL, RAS. pp. 213–220.
17. Kuzmin, M.A. (1984) *Proza: v 9 t.* [Prose: in 9 vols]. Vol. 3. Berkeley: Berkeley Slavic Specialities. pp. 181–208.
18. Istrin, V.M. (1893) *Aleksandriya russkikh khronografov: Issledovanie i tekst* [The Alexandria of Russian Chronographs: Study and Text]. Moscow: v Universitetskoy tipografii.
19. Cixous, H. & Clément, C. (1986) *The Newly Born Woman*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
20. Battersby, Ch. (1989) *Gender and Genius: Towards a Feminist Aesthetics*. Indiana University Press.
21. Felski, R. (1995) *The Gender of Modernity*. Cambridge, MA; London: Harvard University Press.
22. Kuzmin, M.A. (1996) *Stikhotvoreniya* [Poems]. St. Petersburg: Akademicheskii projekt.
23. Averintsev, S.S. (2006) *Sobranie sochineniy. Perevody: Mnogotsennaya zemchuzhina* [Collected Works. Translations: A pearl of great value]. Kyiv: Dukh i litera. pp. 397–446.
24. Bogomolov, N.A. & Malmstad, J. (2013) *Mikhail Kuzmin*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian).
25. Panova, L.G. (2014) M.A. Kuzmin. In: Lipovetskiy, M. et al. (eds) *Russkaya literatura XX veka: 1930-e – ser. 1950-kh gg.: v 2 t.* [Russian literature of the twentieth century: 1930s – mid-1950s: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Akademiya. pp. 23–47.
26. Kuzmin, M. (1910) O prekrasnoy yasnosti (Zametki o proze) [On excellent clarity (Notes on prose)]. *Apollon*. 4. pp. 5–10.

Received: 02 October 2020